

Раздел III.

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ, СУДЕБНАЯ И ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМЫ

Институциональный фактор искажения конституционного духа

Экспертное мнение М.А. Краснова

1.

За 15 лет, прошедшие со дня принятия Конституции России, мы все стали свидетелями процесса, который вряд ли кто предвидел в 1993 году: основные конституционные ценности — а это, в первую очередь, ценности верховенства права, уважения человеческого достоинства, идейного и политического многообразия — будто истлели, превратились в прах. К ним сегодня в публичном пространстве даже как-то неприлично апеллировать. Закономерен вопрос: **чему обязана такая трансформация?**

Наиболее распространенный ответ сводится к утверждению: таковы социокультурные особенности (включая и наше историческое наследие) России. Правда, глубина и сила этого фактора оценивается по-разному. Одни исследователи (причем отнюдь не противники модернизации европейского типа) приписывают социокультурному фактору фундаментальный и едва ли не фаталистический характер¹. Другие — более оптимистичны, поскольку считают, что ставшая в последние годы очевидной неудача с демократическим проектом обязана травме, полученной от распада советской империи, исторической инерции, новизне правового порядка и иным обстоятельствам; но что в принципе это преодолимо².

Нет сомнений в силе влияния социокультурного фактора. Вопрос в другом: дает ли это повод к игнорированию **фактора институционального** (в данном случае я имею в виду институциональный дизайн политической системы)? Удивительно, но, как правило, он не принимается в расчет. А если о нем и упоминается, то лишь в

¹ См., напр.: Кирдина С. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10. С. 89–98; Пастухов В. Второе дыхание русского конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (63). С. 6.

² См., напр.: Аузан А.А. Общественный договор и гражданские свободы // Мир России. 2005. № 3; Аузан А.А. Национальные ценности и конституционный строй. Публичная лекция // проект «Публичные лекции “Полит. ру”» (<http://www.poliit.ru/lectures/2007/12/06/auzan.html>); Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2006; Клямкин И.М. Презентация книги А. Ахиезера, И. Клямкина, И. Яковенко «История России: конец или новое начало?» 14 февраля 2006 г. // http://www.liberal.ru/sitan_print.asp?Rel=152; Мамут Л.С. Конституционные основы современной российской государственности // Общественные науки и современность. 2008. № 4. С. 52–54; Паин Э.А. Исторический «бег по кругу» (Попытка объяснения причин циклических срывов модернизационных процессов в России) // Общественные науки и современность. 2008. № 4. С. 5–20. Необходимо заметить, что Э. Паин зря «записал» А. Аузана в фаталисты (с. 15). Последний употребляет термин «историческая колея» отнюдь не в том смысле, в каком, например, С. Кирдина отводит России место в антимодернизационной «матрице».

качестве одной из «жертв национальной специфики». С этим можно было бы согласиться, если бы исследователи заинтересовались тем, действительно ли *само общество отвергает* модернизацию, и если это так, как именно оно *подминает под себя новые институты* (делает их имитационными). Однако дальше общей констатации процессов бюрократизации, свертывания политической свободы, централизации, восстановления авторитарного образа правления и т.п. исследователи обычно не идут. Например, Э.А. Паин начинает свою замечательную статью о цикличности срывов модернизационных процессов с утверждения, что «либеральные реформы предыдущего десятилетия сменились контрреформами: новым витком рецентрализации, государственной монополизацией экономики, ограничением свободы слова и другими признаками авторитаризма»³. В более мягкой форме о том же говорит и Л.С. Мамут, отмечая, что между «конституционными положениями и нынешней российской повседневностью есть немалый зазор»⁴. И вот только на этом наблюдении, а оно соответствует действительности, ученые пытаются объяснить феномен «циклической модернизации» и дать либерально ориентированному читателю искру надежды.

Здесь я не имею возможности анализировать ни эти объяснения, ни предлагаемые основания для оптимизма. Могу лишь сказать, что они весьма различаются между собой. А вот о влиянии самого устройства властного механизма на социальную реальность в России почти никто не говорит. А если и говорят, то только как о производной от общественного сознания, уровня политической культуры, просвещенности и т.п. И далее, как правило, следует успокаивающий вывод: по мере того, как общество будет «созреть», повышать свою политическую культуру, осознавать свои политические потребности («спрос на демократию»), реальная публичная жизнь будет приближаться к ее нормативной (конституционной) модели. Тот же Л. Мамут полагает, что «нормативная модель — проекция системы осознанных и официально зафиксированных политико-юридических (но не только их) потребностей, она неизбежно, закономерно выходит за пределы настоящего (то есть сущего) и локализуется в будущем. Именно будущее — место постоянного ее расположения. Судьба идеала — всегда находиться в пространстве будущего»⁵. На мой взгляд, такая концепция конституционной модели как идеала (ориентира) не только оппозиционна идее конституционализма, но и очень удобна для идеологического и пропагандистского обоснования властями *status quo* (при этом ни секунды не сомневаюсь в отсутствии такого мотива у самого Л.С. Мамута). Вспомним, что концепция конституции как «программы развития» была распространена в советском государствоведении.

Любопытно, что в качестве иллюстрации своего подхода к Конституции как к ориентиру Л.С. Мамут ссылается на Декларацию независимости США 1776 г., которая была принята в то время, когда «у большинства населения колоний не было сколько-нибудь значительного демократического опыта участия в политической жизни»⁶. Однако корректно ли такое сравнение? Во-первых, не стоит забывать, что весь предыдущий образ и организация жизни американских поселенцев, да и сам их «качественный» состав были залогом свободолюбия. А, во-вторых, хотя Декларацию независимости и можно считать протоконституционным актом, это все же не конституция. В Декларации главное — это объяснение причин освобождения из-под юрисдикции британской короны и провозглашение свободы и права как основополагающих ценностей («Государь, характеру которого присущи все черты, свойствен-

³ Паин Э.А. Указ. соч. С. 5.

⁴ Мамут Л.С. Указ. соч. С. 52.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ Там же. С. 53.

ные тирану, не может быть правителем свободного народа»). Конституция же — это акт, предназначенный не столько для прямого волеизъявления определенных ценностей, закрепления прав и свобод личности (не случайно в изначальном тексте Конституции США ничего не говорится о правах и свободах личности), сколько для установления такой системы власти, которая способна обеспечивать, охранять и защищать эти ценности, права и свободы⁷. Разумеется, такая способность власти обязана не праведности ее представителей, а *мотивации, которая задается определенным образом сконструированными публично-правовыми институтами*. Как метко заметил известный венгерский исследователь А. Шайо, «конституционализм — это ограничение государственной власти в интересах общественного спокойствия. Он стремится охладить текущие страсти, не угрожая эффективности управления»⁸. «Ограничение власти» — вот главные слова и смысл любой конституции.

Так вот. ***Установленная в России конфигурация институтов публичной власти не мотивирует совокупную власть поддерживать тот дух, которым пронизаны главы 1 и 2 Конституции РФ («Основы конституционного строя» и «Права и свободы человека и гражданина»)***. Сказанное не означает, что система власти мотивирует деятельность власти в противоположном направлении, т.е. подталкивает к нарушению конституционного духа. Нет, конечно же. Речь о другом. Система устроена так, что *предоставляет возможность следовать конституционному духу или нарушать его (а иногда и саму букву) в зависимости от того, какими личностными характеристиками будет обладать человек, занимающий должность Президента страны*. Разумеется, и при этом чрезвычайно важен социокультурный фактор, выражающийся в том, намерено ли общество активно сопротивляться разрушению конституционализма (или хотя бы пассивно не принимать подобный вектор политики) или же восторженно (да пусть даже и не восторженно) поддерживать такую политику. Поэтому все сказанное выше не есть отрицание важности понимания и исторической инерции, и уровня правосознания и политической культуры, и традиций, и проч. и проч. Я только хочу подчеркнуть мысль, к сожалению, остающуюся на периферии экспертного внимания: для преодоления старых стереотипов, для появления новой правовой и политической культуры, в общем для укоренения конституционного чувства, нужно *не просто время*. Нужна соответствующая *институциональная основа*, которая бы ставила предел имманентному всякой (даже в странах с укоренившимися правовыми традициями) власти и сопутствующей ей бюрократии стремлению максимально контролировать все процессы, оберегать себя от любого общественного вмешательства и использовать свои ресурсы для недопущения оппонентов к рычагам управления. Без такой основы любые оптимистические прогнозы относительно формирования зрелого гражданского общества, превращения «подданных империи» в народ, в политическую нацию и т.п. остаются пожеланиями (сценарий насильственного преобразования я не рассматриваю). Напротив, должным образом организованная система власти, которая, в первую очередь, не только не сдерживает политическую конкуренцию, но и гарантирует ее участникам в качестве «приза» овладение подлинными, а не мнимыми рычагами управления, — только такая система способна, как минимум, не мешать процессам гражданской самоорганизации, а в оптимуме стимулировать их.

В чем же порок современной российской институциональной системы? **В от-**

⁷ Лично у меня большое сомнение в правильности закрепления прав и свобод в конституциях, особенно на фоне действия международно-правовых актов о правах человека.

⁸ Шайо А. Самоограничение власти. Краткий курс конституционализма / Пер. с венгр. М., 2001. С. 20.

кровенном дисбалансе системы сдержек и противовесов, делающем невозможной самостоятельность иных институтов власти, кроме Президента РФ. Собственно говоря, системы сдержек и противовесов в условиях ее дисбаланса фактически и не существует, не случайно на английском языке она именуется «*checks and balances*». Ведь что представляет собою эта система? Я бы предложил описать ее следующей формулой: *границы возможностей субъекта права заканчиваются там, где начинается несогласие с ними со стороны иных субъектов права, при споре подтвержденное решением суда.* Наша же политическая проблема в том, что о своем несогласии с Президентом иные властные институты не смеют заявлять. Но даже в тот период, когда они могли не соглашаться с главой государства, их несогласие, во всяком случае, по принципиальным вопросам оставалось втуне.

Наивно предполагать, что это явление не институционального, а личностного характера, т.е. нельзя связывать его с конкретными фамилиями президентов. В том-то и заключается российская драма, что при других институциональных условиях никакой президент (ни убежденный либерал, ни убежденный консерватор) не смог бы навязать обществу политику, основанную *исключительно* на его собственном мироощущении. А при существующей конструкции эта возможность воплотилась самым полным образом. Причем здесь абсолютно неважно (с теоретической и отчасти даже с практической точек зрения), действительно ли от действующего Президента исходят властные импульсы или же он сам внесистемно зависит от кого-то. Важно, что существует единственный реальный и безусловно доминирующий над всеми центр принятия принципиальных решений. Благодаря каким институциональным особенностям такое возможно?

2.

Президент России, как того требует логика смешанной, или полупрезидентской, модели, является институтом, предназначенным, во-первых, для традиционного олицетворения завершенности государственной конструкции; во-вторых, для охраны конституционного строя, государственного суверенитета, целостности страны; в-третьих, что особенно важно, для независимого политического арбитража. Именно в последнем состоит большое преимущество модели смешанного типа. В государствах с развитыми традициями компромиссов, со стабильной политической системой, с устоявшимися и доминирующими в обществе демократическими ценностями политические кризисы и конституционные тупики не представляют особой опасности, во всяком случае пока. А вот в государствах, где таких традиций и такой системы еще нет, подобные кризисы могут привести к весьма опасным последствиям. Поэтому миротворческая, стабилизационная роль президента тут неопенима.

Вопрос в другом: как такая роль трактуется и не есть ли это скрытое придание главе государства доминирующего положения над всеми ветвями власти? Такое опасение некоторым образом подтверждает Конституция РФ, которая в ст. 10 провозглашает: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную». А поскольку Президент РФ не является составной частью ни одной из этих ветвей власти, постольку он официально не входит в систему разделения властей и как бы стоит над всеми ветвями власти. В то же время, несмотря на то что Президент России не входит в классическую «триаду ветвей власти», он назван первым среди институтов, которые осуществляют, согласно ст. 11 Конституции РФ, государственную власть в стране. Не есть ли это признание некой надинституциональности российского Президента, теоретическое основание его права на контроль за деятельностью всех других институтов? Нет.

Во-первых, потому, что само провозглашение принципа разделения властей и самостоятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти свиде-

тельствует о том, что никто, в том числе и Президент РФ, не вправе принимать к своему ведению вопросы, отнесенные к компетенции соответствующих органов власти.

Во-вторых, Конституция закрепляет за Президентом его собственные властные прерогативы — функции и полномочия, перечисляемые, главным образом, в главе 4.

Наконец, в-третьих, фактическое нахождение Президента в системе разделения властей подтверждается его обязанностью издавать указы и распоряжения в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами, а также правом иных субъектов власти и граждан обжаловать в суде акты главы государства. (Ср. мнения экспертов Л. Шевцовой, Л.Б. Волкова — примеч. ред.)

И тем не менее институт президента в смешанной модели действительно особый. Здесь президент не только глава государства, что предполагает выполнение им фундаментальной роли хранителя государственности⁹, но и активный политический актор. И это создает «гремучую смесь». Правда, в разных странах с подобной моделью степень политической (в смысле «politics») активности главы государства существенно различается, в зависимости от того, какие полномочия та или иная конституция предоставляет президенту и, прежде всего, в сфере формирования правительства и взаимодействия с парламентом. Россия относится к странам, чья Конституция предписывает чрезвычайно высокую степень активности. Однако, например, и Франция тоже отличается институционально сильным главой государства. Но даже при таких условиях невозможно утверждать, что во Франции подавляется самостоятельность иных институтов власти и отсутствует (имитируется) политическая конкуренция.

Разумеется, огромную роль во французской политической системе играет тот самый социокультурный фактор. Гражданское общество в этой стране имеет настолько давние и богатые традиции самоорганизации и сопротивления, что оно не потерпит открытого урезания политических свобод, низведения парламента до роли послушного исполнителя президентской воли и ничем не ограниченного применения так называемого «административного ресурса». И это — несмотря на то, что Франция, по оценкам многих исследователей, страна с сильнейшей исполнительной властью и бюрократией. Уместно привести суждение британского исследователя Л. Зидентопа, которое, хоть и схематично, отражает сказанное. Резко критикуя французскую модель демократии за то, что «возможности центрального правительства навязывать свою волю и проводить в жизнь свои решения, не считаясь с общественным мнением и с интересами регионов, способствуют широкому распространению подозрительности и цинизма»¹⁰, он тем не менее замечает, что «даже если кризис и не угрожал существующему порядку, французская политическая культура породила группы, которые время от времени переходили к так называемым «прямым действиям». Когда подобные группы приходят к выводу, что государственная машина не реагирует на их требования, они считают себя вправе нарушать закон, прибегать к угрозам и даже к насилию для достижения своих целей. В таких случаях французская полиция смотрит подчас сквозь пальцы на незаконные действия, так как государство, по сути, ритуализирует эти периодические вспышки насилия, считая их одним из условий своего выживания в столь централизованной форме (курсив мой. — М.К.)»¹¹.

⁹ Нельзя согласиться с распространенной дефиницией главы государства только как высшего представителя государства и символа нации. Подробнее см.: Краснов М.А. Глава государства: рецепция идеи «отцовства» // Общественные науки и современность. 2008. №№ 5–6.

¹⁰ Зидентоп Л. Демократия в Европе / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2001. С. 136.

¹¹ Там же. С. 137.

Теоретически можно допустить, что и во Франции, не будь там длительного опыта политической свободы, не будь сильных партий, имеющих свои электоральные ядра, не будь навыков гражданского сопротивления, — и там при существующей властной модели мог бы утвердиться персоналистский режим, т.е. режим политического доминирования одного лица. Однако такое допущение будет большой натяжкой, ибо сама конструкция власти в этой стране имеет меньше, чем в России, институциональных резервов для установления президентского самовластия. Чтобы проиллюстрировать это, имеет смысл в табличном виде сравнить наиболее существенные полномочия президентов России и Франции во властном «треугольнике» президент–парламент–правительство.

Таблица

Полномочие	Россия	Франция
Определение политики	Президент в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства	Отсутствует
Формирование кабинета министров	Президент представляет Государственной Думе кандидатуру Председателя Правительства и при согласии назначает его. По предложению Председателя Правительства назначает и освобождает от должности заместителей Председателя и министров	Президент назначает Премьер-министра без всякого официального согласования с кем бы то ни было. Президент назначает и увольняет министров по представлению премьер-министра
Основания для отставки Председателя Правительства (Правительства), помимо добровольной отставки	1. При избрании нового Президента. 2. По решению Президента без всяких условий. 3. При повторном вынесении вотума недоверия (Президент выбирает между отставкой Правительства и роспуском Думы). 4. При отказе в доверии по инициативе премьер-министра (Президент выбирает между отставкой Правительства и роспуском Думы)	Правительство уходит в отставку (Премьер-министр обязан вручить президенту заявление об отставке), если Национальное собрание (нижняя палата): 1) примет резолюцию порицания (вынесет вотум недоверия); 2) не одобрит программу или общеполитическую декларацию Совета министров
Основания для роспуска парламента (нижней палаты)	Государственная дума распускается Президентом: 1) после трехкратного отклонения Госдумой кандидатуры Председателя Правительства; 2) после повторного вынесения вотума недоверия (Президент выбирает между отставкой Правительства и роспуском Думы); 3) После отказа в доверии по инициативе премьер-министра (Президент выбирает между отставкой Правительства и роспуском Думы)	Национальное собрание распускается Президентом после консультаций с Премьер-министром и председателями палат парламента

Мы можем видеть, что в первом приближении французский Президент институционально даже *сильнее российского*. Об этом свидетельствует, прежде всего, его право без всякого согласования назначать премьер-министра, а также распускать нижнюю палату парламента в любое время (требуются только консультации с премьер-министром и председателями палат. Конституция Франции формально предусматривает лишь сами консультации, но не говорит, как вправду поступить Пре-

зидент, если кто-то из названных должностных лиц воспротивится роспуску). Однако стоит более внимательно изучить системы сдержек и противовесов, предусмотренные конституциями обеих стран, и мы увидим, что разница в правовом положении двух президентов состоит не в институциональной силе, а в том, что российский Президент является абсолютно доминирующим властным субъектом.

Что интересно, для обеспечения такого доминирования не требуется много полномочий. Достаточно конституционных норм, связанных с формированием и отставкой Правительства и роспуском Государственной думы. Тут даже неважно, что Президенту РФ предоставлено совершенно советское, и по форме, и по своей сути, полномочие (одновременно и функция) — определение основных направлений внутренней и внешней политики¹². Оно могло бы остаться «безвкусным украшением» президентского статуса, т.е. не имело бы императивного характера, если бы не явный дисбаланс в его пользу, ликвидирующий, как уже сказано, саму систему сдержек и противовесов. Благодаря существующей конструкции глава государства возвышается над всеми институтами власти уже не как глава, а как *активный политический игрок*, все иные его полномочия начинают «работать» на моносубъектность Президента.

Что же в нашей конструкции такого, что она обеспечивает монопольное положение Президента (неважно, насколько активно он использует его)? Кратко перечислю основные рычаги.

Прежде всего, **порядок формирования Правительства**. Казалось бы, «ключи от состава Правительства РФ» (а это наиболее существенный индикатор демократии¹³) находятся в руках как главы государства, так и Государственной Думы. Ключевое понятие тут — согласование кандидатуры премьера (Председателя Правительства). Но оно в Конституции РФ (ст. 111) выглядит насмешкой. Ведь, как известно, процесс согласования президентской кандидатуры превращен Конституцией в «гильотину» для депутатов: после их третьего отказа Президент *обязан* распустить Государственную Думу. Не случайно, даже при Б.Н. Ельцине, уже не обладавшем мощной общественной поддержкой, практически все его кандидатуры получали согласие Думы¹⁴, хотя в ней было довольно много оппонентов Президента.

Казалось бы, у депутатов есть возможность компенсировать свое унижение: вынести вотум недоверия или не поддержать **вотум доверия** (хотя последний институт в нашей конструкции также смотрится издевкой и я на нем останавливаться не буду¹⁵). Однако тут слова «казалось бы» не случайны, ибо, мало того, что требуется два раза высказаться за недоверие Правительству, но, главное, Президенту предоставлено право выбирать между отставкой Правительства и роспуском Думы. Разве

¹² На последнем этапе подготовки проекта Конституции РФ это полномочие вызвало горячие споры, но тем не менее сохранилось. См.: Конституционное совещание. Информационный бюллетень. 1993. № 3. С. 28-31.

¹³ Карл Поппер в публицистической статье 1987 года дал очень точную характеристику демократии, связав ее наличие именно с мирной сменой правительств, хотя он имел в виду не только кабинеты министров, т.е. правительство в узком смысле слова: «De facto существуют лишь две формы государственного устройства: та, при которой возможна бескровная смена правительства посредством проведения выборов, и та, где это невозможно. Обычно первая форма зовется демократией, а вторая — диктатурой или тиранией» (http://www.democracy.ru/curious/democracy/Popper_democracy.html).

¹⁴ Единственный раз, когда первый Президент пошел на уступку, — попытка назначить В.С. Черномырдина в сентябре 1998 г. Но это был период острейшего экономического и политического кризиса, вызванного дефолтом.

¹⁵ Эта процедура была реализована пока только один раз, в период кризиса 1995 г., когда, чтобы предотвратить повторное голосование по вотуму недоверия, Правительство внесло предложение о вотуме доверия ему. Теперь Регламент Госдумы не позволяет рассматривать вопрос о вотуме доверия в течение периода, когда рассматривается решение о недоверии.

не естественно ему выбрать последний, коль скоро ему не грозят никакие политические последствия? А вот во Франции именно институт недоверия нейтрализует возможность Президента назначать премьера без всякого согласования: Кабинет *обязан* уйти в отставку, если не имеет поддержки Национального собрания. Отсюда понятно, почему некоторым французским президентам приходилось назначать премьер-министрами своих политических противников.

Таким образом, не требуется никаких глубокомысленных рассуждений о качестве постсоветской «элиты» (хотя и это обстоятельство играет свою роль), чтобы увидеть: *Правительство у нас не может не быть исключительно президентским*, т.е. полностью подчиненным его воле, поскольку все члены и руководители Правительства обязаны своим высоким статусом только Президенту¹⁶.

Однако Конституция не останавливается на этом. Она «пристегивает» Кабинет к Президенту еще двумя «ремнями». Первый кажется вроде бы не очень существенным. Речь идет о том, что **Правительство слагает с себя полномочия перед вновь избранным Президентом**. Однако вкупе с другими президентскими прерогативами такая норма играет не только «символическую» роль (хотя и символ весьма характерен, он подчеркивает отсутствие связи между формированием Кабинета и парламентскими выборами). Но этим дело не ограничивается. Если допустить, что когда-нибудь найдется большинство депутатов, которые ценой досрочного прекращения своих полномочий не согласятся с назначением премьера или вынесут вотум недоверия, на социально-экономический курс это повлиять не сможет, поскольку новая после роспуска Дума, даже если в ней будет еще больше президентских оппонентов, окажется перед лицом того же самого Правительства, которое будет напоминать об институциональном бессилии нижней палаты. Правда, разработчики Конституции, видимо, настолько не верили в реальность такого развития событий, что невольно допустили формальное противоречие: ч. 3 ст. 109 Конституции РФ гласит: «Государственная Дума *не может быть распущена* по основаниям, предусмотренным статьей 117 Конституции Российской Федерации, *в течение года после ее избрания*» (а основаниями в ст. 117 является выражение недоверия Правительству или отказ ему в доверии). Как же быть в ситуации, если вновь избранная Дума сразу же выразит Правительству недоверие, тем более, если такой вотум недоверия будет вынесен менее чем за шесть месяцев до окончания президентских полномочий (согласно ч. 5 ст. 109 это тоже является препятствием для роспуска)?

Второй «ремень» имеет уже прямое мотивационное значение для Кабинета министров. Пожалуй, только в России, да еще в нескольких государствах СНГ Президент обладает правом **отправить Правительство в отставку не только без всякого внешнего повода, но и без всяких консультаций с представителями иных властных институтов**. Большинство отставок Правительства у нас именно так и происходило. Публичные же обоснования президентов, производивших такие смены Кабинетов, звучали весьма неубедительно.

***

К сожалению, лимит объема не оставляет возможности для более подробного анализа этих и других прерогатив, с помощью которых достигается прези-

¹⁶ Повторю, сегодняшняя ситуация явного политического превосходства Председателя Правительства над действующим Президентом (во многом обеспечиваемая СМИ) не противоречит сделанному выводу. Аппаратные договоренности не меняют институционального дисбаланса, о котором здесь говорится, а только высвечивают его аномальность. Кстати, модель «президента при премьер» (связка «А. Алханов — Р. Кадыров») несколько лет назад была уже опробована в Чеченской Республике.

дентское доминирование. Но, думается, и сказанного довольно для следующего вывода.

У нас нет конституционных рычагов, обеспечивающих зависимость формирования правительства (кабинета), т.е. политического курса от результатов парламентских выборов. Если же такой зависимости нет, то теряют смысл и сами эти выборы, и публичный смысл существования партий (не стоит удивляться, что у нас существуют лишь квазипартии). При этом Президент объективно понуждается играть на стороне одной из политических сил, неважно, оформленной или не оформленной как партия. Таким образом, «арбитр» одновременно является «игроком». О политической конкуренции в таких условиях говорить бессмысленно. Как бессмысленно говорить о независимости судебной власти, об уменьшении масштабов произвола и коррупции, о подлинной экономической свободе и т.д. и т.п.

Возможно, однако, все сказанное покажется мелким, малозначащим на фоне таких фундаментальных понятий, как «национальный архетип», «идентичность», «Россия и Запад», «геополитическое положение» и т.п., которыми у нас любят оперировать, пытаясь объяснить российскую действительность, стоя в растерянности перед нею. Ну, действительно, кто в здравом уме согласится с тем, что какие-то там «конституционные крючки» могут повлиять на реальную жизнь? Такой взгляд непопулярен даже среди государствоведов. Что уж говорить об историках, социологах, философам.

И все же... Сознывая всю непопулярность своего объяснения того, почему так быстро был извращен дух Конституции, я остаюсь убежденным в том, что, будь у нас иная, институционально более взвешенная политическая система, наше конституционное развитие, пусть мучительно, пусть с приливами и отливами, но шло бы вперед, а влияние антиправовых традиций и патриархальных стереотипов постепенно уменьшалось. В конце концов, при тирании или авторитаризме, за исключением нескольких исторических мгновений свободы, Россия живет уже, как минимум, шестьсот лет. А вот нормального конституционного строя, по сути, не имела никогда. Так может, вместо дискуссий об «особой ментальности» или «особом духе» впервые дать народу реальные институциональные возможности для контроля над властью.